

КРИСТИНА СУНТОРНВАТ

Мечтающий
В ТЕМНОТЕ

*Посвящается
моим отцу и матери*

Глава 1

Во дворе Намвонской тюрьмы росло громадное манговое дерево. Пушистые ветви простирались над растрескавшимся цементным полом и нависали над густой коричневой водой реки Чаттана. Женщины-заклѳенные большую часть времени проводили, спрятавшись под тенистой кроной, а по другую сторону тюремных ворот вверх, вниз и снова вверх по реке скользили лодки.

Около дюжины ребятишек, которые жили в Намвоне, тоже чаще всего лежали в тени. Но только не во время созревания плодов. В сезон манго на дереве, недоступные, покачивались золотые капли блаженства.

Они сводили детей с ума.

Дети орали на плоды манго. Они швыряли в них куски цемента и пытались сбить. А когда манго оставались висеть, дети рыдали, топали босыми ногами и в отчаянии катались по земле.

Понг никогда так не делал. Наоборот, он сидел возле дерева и закладывал руки за голову. Казалось, он спал, однако был полон внимания. Он знал, какой плод созреет первым. Он замечал, как цвет плода менялся: от зелёного, похожего на кожу ящерицы, до жёлтого, как у тыквы. Понг наблюдал, как муравьи карабкались по коре дерева, и отмечал, где они останавливались, привлечённые сладостью.

Понг взглянул на своего друга Сомкита и кивнул ему. Сомкит тоже не кричал на манго. Он сидел под той веткой, под которой его посадил Понг, и ждал. Сомкит сидел уже час и готов был ждать много дольше, потому что в Намвоне важнее всего было дожждаться манго.

И Сомкиту, и Понгу было по девять лет, и они были сиротами. Сомкит был ниже ростом, чем Понг, и очень тощий — тощий даже для заключённого. Лицо его было широкое и круглое, поэтому другие дети дразнили Сомкита жареным рисовым шариком на палочке. Такими шариками торговали старушечки с лодок.

Матери Сомкита и Понга попали в Намвон потому, что совершили кражу и попались. Обе умерли во время родов, хотя женщины в тюрьме рассказывали, что рождение Сомкита было более впечатляющим, его нога появилась там, где должна была появиться голова.

Понг поманил своего друга пальцем, сделав ему знак сдвинуться влево.

Ещё левее.

Ещё немного.

Вот здесь.

Наконец, после долгого ожидания, Понг услышал слабый треск черенка. Потом ахнул и улыбнулся: первое манго этого года упало прямо в руки Сомкита.

Но не успел Понг разделить с другом эту удачу, как две девочки более старшего возраста заметили, что находится у Сомкита в руках.

— Эй, ты видишь? — произнесла одна из них, приподнимаясь на острых локтях.

— Ну да, — ответила другая, сжимая ободранные кулачки. — Ты, Кожа-да-Кости, — обратилась она к Сомкиту, — что ты принесёшь мне сегодня?

— Ой-ой, — сказал Сомкит.

Одной рукой он прижал манго к себе, а на другую оперся, чтобы встать.

В драке он был бесполезен, и это значило, что противники в первую очередь били его. Пробежав несколько шагов, он начинал кашлять, следовательно, драка обычно заканчивалась очень плохо.

Понг повернулся к стражницам, которые стояли, прислонившись к стене, и, кажется, скучали не меньше, чем заключённые.

— Извините меня, мэ, — поклонился Понг первой стражнице.

Она втянула воздух через стиснутые зубы, удивлённо подняв бровь.

— Мэм, эти девчонки, — сказал Понг, — мне кажется, они хотят отнять...

— И что ты хочешь, чтобы я сделала? — бросила женщина. — Вы должны сами решать свои детские дела.

Другая стражница фыркнула:

— Небольшая трёпка тебе не повредит. Станешь крепче.

В груди у Понга возникло ощущение чего-то горячего. Конечно, стража не будет помогать. Разве раньше они помогали? Понг взглянул на заключённых. Они смотрели пустыми, отрешёнными глазами. Какое-то паршивое манго их не интересовало.

Понг поспешил к своему другу. Девочки с угрожающим видом уже приближались к нему.

— Давай, залезай, — сказал Понг и опустился на одно колено.

— Что? — не понял Сомкит.

— Залезай же.

— Слушай, я же знаю, чем это кончится, — пробурчал Сомкит и, по-прежнему обнимая манго, залез на Понга.

Понг тоже это знал и ничего не мог поделать. Потому что, хотя он был самым наблюдательным и почти не уступал Сомкиту в умении ждать,

совершенно не мог сдерживать себя, столкнувшись с несправедливостью.

— Куда это ты направился? — спросила девочка с острыми локотками, направляясь к нему.

— Мы честно и без глупостей поймали это манго, — сказал Понг, делая несколько шагов назад с Сомкитом на спине.

— Да, вы, — ответила девочка. — И если вы отдадите его мне прямо сейчас, то я врежу каждому только по одному разу. Честно и без глупостей.

— Отдай ей, — сказал Сомкит, — оно не стоит...

— То, что ты хочешь его, не значит, что ты его заслужила, — твёрдо произнёс Понг. — И тебе его не отобрать.

— Неужели? — спросили девочки.

— О господи, — сказал Сомкит. — Начинается.

Девочки побежали, и Понг рванул. Девочки гнались за ним, а он мчался и мчался по двору, и Сомкит трясся у него на спине, как детёныш мартышки.

— Ты никогда не можешь просто уступить! — прокричал Сомкит.

— Нельзя... отдать им! — ответил Понг. — Манго наше!

Они пробежали мимо группы детей помладше, которые, не отрываясь, наблюдали за погоней. Малыши с облегчением осознавали, что угроза относится не к ним.

— И что? Манго не стоит того, чтобы тебя избивали! — Сомкит оглянулся назад. — Быстрее, друг, или они нас догонят.

Стражницы у стены смотрели на них и смеялись:

— Вперёд, девчонки! Хватайте их!

— Ещё не догнали, — сказала другая стражница. — Лучшее развлечение этой недели!

— Я... устал... — прохрипел Понг. — Ты лучше... съешь его... прежде, чем я упаду.

Сомкит вонзил зубы в спелый плод, и липкий сок потёк по шее Понга.

— Ох, дружище, я был неправ. За это можно быть избитым.

Сомкит протянул руку вперёд и засунул кусок манго в рот Понгу.

Плод был спелым и сладким и совсем не щипал язык.

Блаженство.

Глава 2

Позже, когда они лежали рядом возле ворот, ведущих к реке, Понг пытался напомнить Сомкиту, каким вкусным было это манго. Солнце садилось, и их жёлто-коричневые щёки и подбородки окрасились в лиловые цвета заката.

Сомкит дотронулся до поцарапанной щеки и поморщился:

— Ну почему мне досталось в друзья такое трепло?

Понг усмехнулся:

— Потому что больше никто не захотел с тобой дружить.

Сомкит дёрнул Понга за ухо.

— Ой! — отодвинулся Понг. — Знаешь ли, из нас двоих ты большее трепло, чем я.

— Но, как ты заметил, я держу рот закрытым перед стражей и вредными детьми, — сказал Сомкит. — Иногда приходится смириться, если не хочешь, чтобы из тебя сделали пюре. Но ты?

Ты никогда не понимаешь, когда следует заткнуться и отпустить.

— Я понимаю, — сказал Понг и согнул руку, укладывая на неё голову. — Но манго добыли мы. Это глупо, что мы должны ждать, пока плоды упадут. Стража должна позволить нам залезать на дерево. Они как будто хотят, чтобы мы дрались.

Понг положил два пальца на грудь.

— Такие штуки приводят меня в бешенство. У меня здесь словно что-то горит.

— Это газы, наверное, — ответил Сомкит. — Смотри, в следующем году этим дурам будет тринадцать, и их отсюда отправят. Тогда мы будем самые старшие и сможем спокойно есть манго.

Детей, рождённых в Намвоне, выпускали из тюрьмы, когда заканчивался срок их матерей или когда им исполнялось тринадцать лет, смотря что происходило раньше.

Но Понга не интересовало, когда выпустят девочек. В конце концов, это была ещё одна несправедливость — то, что девочки выйдут из тюрьмы раньше. Понгу и Сомкиту до тринадцатилетия оставалось четыре года. Четыре года. Почти вечность.

Понг отвернулся от Сомкита и через решётку ворот посмотрел на реку. Намвонская тюрьма была построена выше по реке, чем город Чаттана. Понгу едва-едва были видны городские огни, которые сейчас постепенно загорались: один за другим, а потом

уже светились целые тысячи. Наконец возникло целых два города: один на берегу, а второй в воде, и оба они были сделаны из света.

Обычно в это вечернее время они делились мечтами о той жизни, которая будет у них после выхода из тюрьмы: о еде, которую они попробуют, и о лодках, которые купят. У Сомкита будет не меньше трёх лодок: чтобы жить, чтобы ловить с них рыбу, а третьим будет скоростной катер со специально разработанным мотором, который нужен только для того, чтобы носиться по воде на безумной скорости. Понг любил воображать себя взрослым мужчиной с хорошей работой и сытым желудком, удобно развалившимся на катере, у руля которого сидел Сомкит.

С дерева свисала единственная светящаяся сфера. Её тусклый фиолетовый свет не мог конкурировать с огнями города. По сравнению с Чаттаной, Намвон был подобен пещере. Стоило ли удивляться тому, что жизнь была к ним несправедлива? Как справедливость могла найти путь в такой темноте? Но, когда они выйдут на свет, жизнь изменится. Им не придётся драться, чтобы съесть своё манго. И когда они попросят помощи, их услышат.

Сомкит застонал и повернулся на бок.

— Уф, у меня болит каждая косточка! Пообещай мне, что будешь вести себя тише воды, ниже травы. Хотя бы всю следующую неделю.

— Что будет на следующей неделе?

Сомкит закатил глаза и покачал головой.

— Ты сидишь и слушаешь, как зреет манго, но ты не слышишь, что говорят люди прямо перед тобой?! Ты не слышал, что сказала повариха? На следующей неделе с официальным визитом приезжает Правитель!

Понг, не обращая внимания на боль в рёбрах, резко сел.

— Правитель?

— Уверен, — облизнулся Сомкит, — что нас по этому случаю нормально накормят. Повариха говорила, что будет жарить цыплят.

Но Понг не мог думать о еде. Он думал о том, кто приедет. Большинство жителей Чаттаны очень любили Правителя. Как могло быть иначе, после всего, что он сделал для города? Этот человек был героем. Но для Понга он был больше, чем герой.

Понг только в учебнике видел его портрет, но даже по такой картинке он решил, что Правитель — это тот, кто сможет его понять. Он не отмахнётся от несправедливостей в Намвоне. Если он узнает, что здесь происходит, он всё изменит. Это тот самый человек, который делает мир справедливым.

Самая большая и секретная мечта Понга, о которой он не рассказывал даже Сомкиту, была служить великому лидеру Чаттаны. Понг воображал себя возле Правителя, в качестве его помощника или

советника, или на какой-то другой службе, подобающей взрослому человеку. Вместе с Правителем они могли бы сделать жизнь людей прекрасной.

То, что Правитель должен посетить Намвон, не могло быть случайным совпадением. Это был знак. Это был признак того, что мечта Понга сбывается.

— Эй, — сказал Сомкит и щёлкнул пальцами перед лицом Понга, — у тебя такое странное выражение лица, и оно мне не нравится. Слушай, обещай мне, что с этой секунды будешь держать рот закрытым, ладно?

Он наклонился ближе и выкатил глаза:

— Ладно?

Понг взглянул на город, где светящиеся точки слились в одно яркое пятно, и ответил:

— Ладно. Больше проблем не будет.

В тот момент это казалось вполне разумным обещанием.

Глава 3

Нок, скрестив пальцы за спиной, смотрела, как её отец в тысячный раз за сегодняшнее утро протирал очки. Она видела, что он нервничает.

Начальник тюрьмы Сивапан должен был отвечать за всех и за всё в Намвоне, и Нок очень хотела, чтобы сегодня он хорошо сыграл свою роль.

— Нок... — захныкала её младшая сестра Тип. — Я в этом просто умираю.

Тип засунула пальцы в высокий жёсткий воротник своей блузки и оттянула его от горла. Щёлкнув, воротничок вернулся на место.

Плой, её сестра-близняшка, хихикнула.

— Перестаньте драться, — сказала Нок.

Она поправила воротник Тип и поясok Плой.

— Вам не стыдно? Такой день — а вы ноете?

Близняшкам хотя бы разрешили надеть блузки с короткими рукавами. Нок одёрнула огромные фонарики рукавов своего кусачего платья, борясь с желанием почесать плечи. Как ей хотелось бы переодеться в удобную свободную форму для фех-

тования! По её мнению, любая одежда, в которой нельзя было драться, была нелепой. Но, конечно, она не стала жаловаться, особенно сегодня, когда должен был приехать Правитель.

К ним подплыла мама Нок — взрослая версия близняшек в бледно-голубом шелку.

— Итак, — сказала она, — все готовы? Не забудьте слова, которым я вас научила. Не стесняйтесь — просто говорите, да?

Старший брат Нок пригладил волосы.

— Всё отлично, — прошептал он. — Но кто скажет папе?

Нок посмотрела на него. Её мама щёлкнула пальцами — это был знак трогаться. Близняшки шли за Нок, которая шла за своим братом, специально по этому случаю приехавшим из университета. Он шёл за матерью, которая по-настоящему была главой этой семьи, но которая, соблюдая правила, шла позади мужа.

Семейство выстроилось в линию возле речных ворот в тени мангового дерева. Заключённым было велено стоять рядами, но дети подбежали к воротам, высматривая лодку Правителя.

— Мне их жалко, — прошептала Плой и скользнула пальцами в руку Нок. — Им приходится жить в тюрьме. Разве это не ужасно?

— Это не тюрьма, — ответила Нок. — Это центр перевоспитания.

Нок и её младшие сестры почти никогда не бывали на работе своего отца. Сегодня утром Нок специально показала сёстрам официальную вывеску на воротах: «НАМВОНСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЦЕНТР ПЕРЕВОСПИТАНИЯ», но по правде, никто никогда не называл это место иначе, чем тюрьмой.

— Почему папа просто не выпустит их? — спросила Плой.

Близняшки придвинулись друг к другу.

— Ты знаешь, что мама говорит: «Плод падает точно вниз».

— Но я же не про фрукты говорю. Я про детей! Нок вздохнула.

— Она имеет в виду, что дети обычно бывают похожи на своих родителей. Родители этих детей — преступники. За ними следует присмотреть. И потом, куда им идти? Часть из них — сироты. Им придётся жить на улице. Здесь, по крайней мере, их хорошо кормят, и они ходят в школу. Они здесь счастливы.

Дети выглядели счастливыми или, по меньшей мере, были возбуждены. Нок заметила, что только два мальчика не пробились в первую линию у ворот. Один, тощий, с лицом круглым, как полная луна, стоял на цыпочках позади двух девочек, которые словно специально загораживали ему обзор.

Его друг, мальчик с жёсткими волосами и чубом на макушке, тоже отошёл назад ближе к стволу ман-

гового дерева. Он смотрел не на ворота, а на ветки дерева. Одно ухо его было направлено на низко висящий плод, словно он к нему прислушивался.

— Какой странный, — подумала Нок. — Зачем слушать манго?

— Едет! — закричал один из мальчиков.

— Лодка Правителя! Я её вижу!

Мама Нок щёлкнула пальцами и прошипела:

— По местам! По местам! Сейчас же!

Ладыя Правителя скользнула в ворота тюрьмы. Солнечный свет отражался от тиковой обшивки. По бортам свисали белые цветы.

Она заняла своё место у пристани. Позади ладьи затихало нежное жужжание. Стеклянная сфера размером с арбуз была подвешена на серебряных тросах возле мотора. От неё лился Жадитовый свет, такой яркий, что, увидев его, Нок прищурилась.

Речные ворота открылись. С ладьи сошла стража и замерла в ожидании.

Нок увидела человека в сияющей одежде, и тут её мама снова щёлкнула пальцами. Заключённые сложили руки вместе и упали на колени.

Нок наклонила голову, и желудок её свело. Действительно ли это случилось? Если бы соученики могли её сейчас увидеть, они бы сгорели от зависти. Она встретит человека, которого все они боготворили, героя, о котором рассказывали учебники

истории и слова которого они учили наизусть, начиная с детского сада. Через несколько секунд Нок предстояло увидеть человека, который спас их город от полного разрушения.

Эту историю знали все дети в Чаттане.

Много лет назад Чаттана была Городом Чудес. Великаны ростом с пальму вброд переходили реку, а у их колен кружились поющие рыбки. На плавучих рынках торговали различными магическими принадлежностями: любовными грушами, пирожными, посыпанными заряженной на удачу пудрой; там встречался редкий фрукт в форме спящего младенца, который, если от него откусить даже маленький кусочек, давал человеку возможность прожить тысячу лет и три года.

Жизнь обитателей Чаттаны была благословенна. Старые мудрецы приходили с гор, чтобы поделиться своими знаниями; они излечивали больных и исполняли желания. Но почти у каждого в Чаттане было всё, о чём он мечтал — тогда.

Город процветал и рос. Здания громоздились одно на другом, всё выше и выше. Лодок в каналах стало слишком много. К сожалению, волшебство не терпит толпы.

Чаттана раздувалась, а чудеса утекали из неё. Робкие великаны ушли на север, чтобы никогда не возвращаться. Поющих рыбок выловили и подали на обед богачам. Пекари стали посыпать свои

пирогам обычным сахаром — это было дешевле, чем пудра удачи, но на вкус не менее сладко. А мудрецы оставались в своих горах.

Поначалу жители Чаттаны ничего не заметили. Они были успешными и слишком занятыми, чтобы обращать внимание на такие старомодные вещи. Город ещё больше расширился. Дома строились ещё выше. Всего становилось больше, но всё равно было недостаточно. В своей жадности люди сделали большую ошибку.

Никто не знает, где начался Великий Пожар. В одну жаркую ночь Город Чудес стал Городом Пепла. Сгорели все дома и почти все лодки. Чаттана стояла далеко от соседних городов, и огонь был так силён, что всё равно никто не смог бы помочь. Те немногие, кто пережил Великий Пожар, остались ни с чем. Днём их иссушало солнце, а ночью не было защиты от проливного дождя. По сгоревшему городу распространялись болезни. Люди дрались, чтобы заполучить хоть какую-нибудь еду.

Они жалели об утраченных чудесах. И были в отчаянии, уверенные, что всем им скоро придёт конец. Но где-то в руинах сохранилось одно заряженное на удачу пирожное. Потому что из леса вышел человек, который принёс волшебство, чего не было уже целое столетие.

Этот человек изменил всё. Он вернул Чаттану к жизни.

Глава 4

Нок низко наклонила голову, но не удержалась и широко открыла глаза. Правитель прошёл мимо неё, оставив после себя запах лимонного сорго.

Мама Нок ещё раз щёлкнула пальцами, и все заключённые сели на пятки, по-прежнему держа сведённые ладони перед грудью. Нок заморгала, с трудом веря, что стоит в нескольких ярдах от великого героя Чаттаны.

Он выглядел совсем обычно. Нок не знала, чего именно она ждала. Не то чтобы он должен был прилететь на облаке или что-то в этом роде, но человек, который стоял невдалеке, мог оказаться кем угодно. Немного выше отца. С бледным мягким лицом. Он коротко улыбнулся в ответ на приветствие отца Нок, и только тогда стали заметны лёгкие морщины в уголках его глаз.

Казалось, отец Нок чем-то ему обязан. Или, может быть, он боялся всё перепутать. Он почти

не поднимал глаз на Правителя, когда вышел вперёд и в очередной раз протёр очки.

— Это особенный день для всех нас, — объявил отец Нок. — Его Светлость, Правитель, осчастливил нас своим визитом. Как вы знаете, Его Светлость придаёт большое значение и внимание вашему перевоспитанию. Мы все...

Начальник тюрьмы посмотрел вниз на ряды заключённых, и его глаза позади очков опечалились и остекленели. Голос его задрожал.

«Давай же, папа, ты можешь», — подумала Нок, изо всех сил желая отцу собраться с мыслями.

Мама Нок тихонько кашлянула.

— Мы все — мы все счастливы видеть Вас здесь, Ваша Светлость, — продолжил отец Нок.

Предполагалось, что он произнесёт длинную речь, но он, должно быть, всё забыл.

— Сейчас будет обед, а после моя жена приготовила концерт в Вашу честь.

Мама Нок напряжённо улыбнулась и сделала знак поварам. Запах чеснока и мяса достиг ноздрей Нок. На столы перед зданием из кухни выносились дымящиеся котлы. Котлы ставили на металлические козлы, под которыми были установлены Малиновые сферы, чтобы подогревать пищу.

Дети подались вперёд. Мальчик с лицом, как полная луна, даже облизнулся. Нок не понравилось, что у них был такой голодный вид.

Заключённые поклонились и, сохраняя ряды, поспешили в здание. Нок поставила близняшек после их брата, чтобы они дожидались своей очереди быть представленными Правителю. Она велела себе не волноваться. В конце концов, она уже несколько недель готовила свои слова.

Она ждала и смотрела за мальчиком с чубом. Он оказался среди первых и уже выковыривал остатки пищи из своего котелка. Нок пыталась отвернуться, но её взгляд возвращался к нему. Мальчик показался непохожим на других детей. Он смотрел вокруг и всё запоминал. И внимательно следил за Правителем, сохраняя должную дистанцию.

Неожиданно тот повернул голову, затем встал и поспешил к мальчику с круглым лицом, по пухлым щекам которого текли слёзы. У его ног лежал опрокинутый котелок, и курица с рисом вывалились на землю.

Две девочки старшего возраста стояли в стороне, сжимая кулачки. Мальчик с чубом подошёл к той, что повыше, и изо всей силы наступил на её босую ногу. Нок ахнула.

— Нок! — щёлкнула пальцами её мама.

Нок оглянулась и увидела, что вся её семья смотрит на неё. Даже её отец казался оцепеневшим от ужаса. Со стыдом она поняла, что в этот самый момент пришла её очередь приветствовать Правителя.

Приготовленная речь вылетела из головы Нок. Щёки её пылали, когда она поклонилась и сказала:

— Я виновата в том, что отвлеклась, Ваша Светлость. Это просто...

— Что просто? — спросила её мама нетерпеливо.

Нок одёрнула фонарики рукавов.

— Я подумала, что тот мальчик начал драку.

Губы мамы Нок скривились:

— Какой мальчик?

Нок указала на детей. Девочка теперь хныкала, держась за повреждённую ногу.

Мама Нок злобно повернулась к детям.

— Эй, ты! — обратилась она к мальчику с чувством. — Как тебе кажется, что ты сделал?

Мальчик замер.

— О, мэ, я, нет, я только увидел...

— Ты увидел, что мы заняты, и решил, что можешь вести себя плохо, да?

— Нет, мэ, вовсе нет. Видите ли, эти девочки...

Девочка, на ногу которой он наступил, выла и прыгала на здоровой ноге.

— Всё! — отрезала госпожа Сивапан. — Ты посмел развязать драку в такой день?

Казалось, она готова проглотить мальчика целиком.

Мальчик выпрямился. Нок не верила своим глазам: мальчик смотрел на её маму так, словно прав был он, а не она.

— Мой друг ждал своей порции, — сказал он, — и они...

— Как ты смеешь мне перечить!

Правитель проскользнул к мальчику и глубоким мягким голосом произнёс:

— Позвольте мне уладить это, госпожа Сивапан.

Все во дворе замерли. Мама Нок поправила волосы и отошла в сторону, пропуская Правителя:

— Благодарю Вас, Ваша Светлость.

Мальчик сглотнул и вытер ладони о штаны. Он поклонился Правителю. А когда поднял голову, его глаза были полны надежды. Казалось, он был почти счастлив.

Заключённые и стражницы пододвинулись ближе, чтобы ничего не пропустить. Каждый при-
творялся, что старательно жуёт, но все внимательно слушали.

— Это правда, дитя? — спросил Правитель. — Ты подрался?

— Ваша Светлость, для меня великая честь встретиться с Вами, — на одном дыхании произнёс мальчик, — я знаю, так сказал бы каждый, и Вы видите...

— Так-так, — прервал его Правитель, — сейчас не время для лести. Сейчас время для правды. Ты сделал девочке больно, да или нет?

Мальчик, стоявший с широко раскрытыми глазами и ртом, кивнул.

— Ты знаешь, зачем я приехал? — спросил Правитель.

— Чтобы... убедиться, что с нами справедливо обращаются?

Правитель так долго смотрел на мальчика, что всем стало неловко.

— Я здесь, чтобы напомнить всем вам о цене, которую придётся заплатить за нарушение закона. Скажи, дитя, темны ли ночи в Намвоне?

Мальчик кивнул.

— И такими они должны быть, — ответил Правитель. — Чаттана — город света, но свет следует заслужить. Именно поэтому я построил центр перевоспитания здесь, а не в городе. Чтобы напомнить людям, что преступление имеет цену. Видишь ли, свет сияет только для достойных.

Мальчик молча пожирал его глазами, когда Правитель отступил на полшага назад.

Правитель поднял руки ладонями вверх. Воздух сгустился, как это бывает перед бурей. Волоски на руках Нок встали дыбом, и кожу на голове стало покалывать.

Казалось, весь двор затаил дыхание. Светящаяся точка, как парящий светлячок, возникла над ладонью Правителя. Она разгоралась ярче и ярче, пока не раздулась до размера шарика от пинг-понга.

Маленький шарик света был ослепительно ярким, даже ярче, чем сфера, которая давала энергию мотору ладьи. Но он не выглядел горячим. Более того, всем во дворе показалось, что стало чуточку холоднее, чем раньше.

Холодок пробежал по спине Нок. Она выросла в окружении магии Правителя, но лишь немногие видели, как он воплощает свою силу.

Она дрожала, восхищённая и напуганная одновременно. Этот человек казался обычным, но был совершенно другим.

Все в Чаттане — каждый светильник, каждая кухонная плита, каждый мотор — работали благодаря волшебной способности Правителя создавать свет. Когда он пришёл, огонь стал не нужен и опасности пожара больше не было. Световые сферы превращали ночь в день, они же питали великолепные машины и снова обеспечили Чаттане процветание.

Город изменился во всех отношениях. Правитель не только создал свет. Он написал законы. Чаттана стала Городом Закона, Городом Порядка. Новый Великий Пожар стал невозможен. Людям больше никогда не пришлось бы так страдать.

Правитель опустил руку в карман и достал стеклянный шарик, прозрачный и чистый, как мыльный пузырь.

— Свет сияет для достойных, — повторил он и опустил шарик в руку мальчика. — Все осталь-

ные пресмыкаются во тьме. Скажи, дитя, хочешь ли ты остаться во тьме навсегда?

Горло мальчика заклокотало, он сглотнул и затряс головой.

Правитель сложил пальцы над светом, парящим над его ладонью, и дотронулся до второго шарика. Воздух между Правителем и мальчиком заволновался.

Раздался хруст. В следующую секунду все во дворе раскрыли рты.

Рука Правителя была пуста. Свет переместился в шарик и наполнил его Золотым сиянием. Свет, заключённый в шарике, был по-прежнему ярок, но выглядел не таким диким и пугающим, как когда горел сам по себе секундой раньше.

— Скажи, — сказал Правитель, — ты дальше будешь хорошим мальчиком?

Мальчик смотрел на свет в своей руке и молчал. Нок пришло в голову, что, возможно, он впервые видит Золотую сферу вблизи.

Мама Нок шагнула вперёд.

— Он будет, Ваша Светлость, и мы все позаботимся об этом, естественно.

Она повернулась к мальчику.

— Надеюсь, ты ценишь доброту Его Светлости. Подарить тебе этот свет — Золотой свет, не меньше! — это доброта, которую ты вряд ли заслужил. Но прошу Вас, Ваша Светлость, позвольте

нам выразить нашу благодарность песней, которую мы приготовили для Вас.

Она хлопнула в ладоши, что было сигналом для заключённых женщин разбиться на группы, как они отрепетировали для этого номера.

Маленький двор заполнили поющие голоса. Мама Нок сияла. Её младшие светились идеальными улыбками. Всё пошло по плану и так, как следовало.

Глаза были прикованы к Правителю, который наклонился, чтобы прошептать последние утешительные слова мальчику из тюрьмы. Затем Правитель повернулся смотреть представление.

Но Нок смотрела на мальчика. Тот не отводил взгляда от своей ладони, и выражение надежды и счастья покинуло его глаза.

Шарик в его руке померк.

Глава 5

— С тобой стало скучно, — сказал Сомкит.
Последнее время он много раз это говорил.
— Мне казалось, ты хотел, чтобы я вёл себя тихо, — ответил Понг, — и держался подальше от неприятностей.

— Ну, да, но я не предлагал тебе превращаться в ствол дерева. И затем, с каких это пор ты начал делать так, как я сказал? Серьёзно, что с тобой?

Понг пожал плечами. Он понимал, что изменился. Никаких драк со старшими девочками, никаких перебранок со стражей. Понг притих. Он был не в настроении разговаривать.

С визита Правителя прошло три месяца. Понг был в тот день в таком воодушевлении, что даже не мечтал о том, что ему представится возможность объявить Правителю, как сильно он им восхищается. Но когда такая возможность появилась, всё пошло не так. Понг был готов считать всё происшедшее страшным сном, но тёмный стеклян-

ный шарик, спрятанный под матрасом в спальне для мальчиков, указывал, что это было правдой.

Каждую ночь Понг лежал на койке, и бесполезное стекло лежало рядом с ним. Он всё ещё помнил красивое Золотое сияние. Тот шарик светился намного ярче, чем Фиолетовые сферы, с которыми они имели дело в Намвоне. И в голове Понга всё ещё звучали слова Правителя. Не слова его речей — не те известные фразы, которые были отпечатаны на плакатах и вписаны в учебники. Нет, слова, которые загипнотизировали Понга, Правитель произнёс ему на ухо, когда заключённые начали свою песню.

— Посмотри на них, — прошептал Правитель Понгу, указывая на заключённых. — Они освободятся, но потом вернутся сюда. Год за годом тюрьмы стоят полными. Мир полон тьмы, и этого не изменить.

Затем Правитель наклонился на поддюйма ниже. Его холодные глаза смотрели прямо в глаза мальчика.

— Рождённые во тьме всегда возвращаются. Ты это увидишь. Мы с тобой ещё встретимся.

И затем Правитель крепко сжал пальцы, и шарик в руке Понга почернел.

В тот момент Понг понял, каким глупым он был. Действительно ли он мечтал о том, чтобы, став взрослым, работать лично на Правителя? Правитель никогда не подпустит к себе такого, как Понг:

мечта о жизни вне Намвона испарилась в одно мгновение. Дела не пойдут по-другому — только не для него.

Мир полон тьмы, и этого не изменить.

Неважно, что он и Сомкит сделают и сколько им будет лет. Куда бы они ни пошли, там будет темно.

Понг не стал делиться мыслями с Сомкитом. Он спрятал их внутри себя, где они затвердели и выстроили крепость вокруг его сердца. И, когда опускалась ночь и огни Чаттаны отражались в воде, а Сомкит всё рассуждал и рассуждал о моторах на энергии света и о последних моделях скоростных катеров, Понг молчал. Он сидел, отвернувшись от речных ворот. Из-за городских огней Намвон казался ещё темнее.

Хотя вечера стали другими, дни для Сомкита и Понга текли по-прежнему. И для Сомкита это означало поиск фруктов среди отбросов.

Заключённые могли есть только манго, и то потому, что те сами падали им в руки. Но стражники, как и большинство жителей Чаттаны, готовы были душу продать за свои любимые фрукты. Раз в неделю, после зарплаты, они выходили на пристань и ждали лодки с фруктами, которые направлялись на плавучий рынок в городе.

Дети, жившие в тюрьме, прижимали свои личики к решётке и вдыхали сладкий запах мангостинов

и рамбутанов и кислый аромат помело и зелёных апельсинов. Они всасывали фруктовый воздух через ноздри и перекачивали его на языке. Но среди фруктов был один, который никто не захотел бы нюхать.

Дуриан называют королём фруктов. Вкус у него просто роскошный, скорее присущий пудингу или сладкому крему, нежели тому, что растёт на дереве. Он маслянистый и мускусный — сладкий сначала и терпкий под конец. Даже гипоталамус сторает от желания его съесть. У него божественный вкус.

И абсолютно противоположный запах.

После встречи с торговцем дурианом стражники относят громадный плод с колючей кожурой на деревянный стол своей беседки, взрезают его с помощью мачете, изо всех сил стараясь не испачкать соком руки или одежду, зачерпывают жёлтую мякоть и закатывают глаза от наслаждения.

Час спустя на земле вокруг беседки повсюду валяются ошметки кожуры дуриана, которые воняют, какдохлый мангуст. И тогда приходит Сомкит.

Сомкит был единственным среди детей, кто не испытывал отвращения к запаху дуриана. Ему нравилось собирать вонючие колючие куски и впахивать их в мусорную корзину возле пристани. В награду за помощь стражницы разрешали Сомкиту счистить остававшуюся на корках мякоть.

Корзина не удерживала запах, но, к счастью, в тот же вечер приплывал на своей лодке мусорщик и увозил её вниз по реке.

Одним жарким вечером стражницы успели прикончить особенно спелый и особенно пахучий дуриан, и на земле валялось больше объедков, чем обычно.

Сомкит держал кусок кожуры и пальцами выковыривал из неё мякоть.

— Эй, Понг, помоги мне оттащить это в мусорку.

— Ни за что, — ответил Понг, зажав нос и дыша ртом. — Это твои дела, а не мои.

— Давай, не будь уродом, — закашлялся Сомкит.

Уши Понга знали этот ржавый звук. У Сомкита были проблемы с дыханием. Если он бежал или слишком много двигался, это могло привести к приступу кашля. Несколько раз дело было действительно плохо, и Понг помнил, как его друг дрожал, открывая рот, подобно рыбе, задыхавшейся на суше.

— Ты норм? — спросил Понг.

— Да, я в порядке, — ответил Сомкит.

Но он снова закашлялся, на этот раз трижды. Каждый раз брови его поднимались вверх, словно кто-то ударял его по рёбрам.

Понг был почти уверен, что, кашляя, Сомкит пытался отвертеться от работы, но всё равно он закатил глаза и пробурчал:

— Ладно, пойдём всё сделаем.

Он выдохнул и начал кончиками пальцев подбирать куски дуриана.

Запястья его были покрыты липким соком, когда Понг вслед за Сомкитом шёл к корзине.

Корзины для мусора стояли возле пристани, по другую сторону будки стражи. Они сладко пахли, как куриное мясо, весь день пролежавшее на солнце. Понг поднял крышку и подавился гнилым запахом старого дуриана, смешанного со старыми бананами, старой апельсиновой кожурой и яичной скорлупой. Он выбросил в корзину принесённые ошмётки.

— Я схожу за теми, что остались, — сказал Сомкит, — а ты примни тут всё, чтобы было, куда положить, ладно?

— Ой, брось, — запротестовал Понг.

— Просто сделай это, — сказал Сомкит и ещё раз закашлялся, поднимая вверх брови. — Я сейчас вернусь.

Понг ждал, отвернувшись от корзины с дурианом. Но Сомкит всё не шёл, и Понг высунулся из-за мусорки, надеясь его увидеть. Жара была в самом разгаре, заключённые, лёжа в тени на другой стороне двора, дремали или болтали. Стражницы ковыряли в зубах, прислонившись к лестнице, сытые и счастливые.

Понг хорошо выучил распорядок дня в тюрьме и знал, что они не двинутся с места следующие

сорок минут, когда будет смена караула. Никто во всей тюрьме не обратил бы на него внимания.

Понг никогда не задумывался о том, чтобы убежать из Намвона, но идея возникла в его мозгу неожиданно, словно белка выпрыгнула из кустов и хлестнула его по лицу хвостом.

Он может выбраться из Намвона. Не в тринадцать лет. Сейчас.

Не давая себе времени подумать, Понг подскокил к корзине и залез внутрь.

Он в последний раз вдохнул уже несвежего воздуха и зарылся в мусор. Его чуть не вырвало, когда он расталкивал кожуру дуриана, апельсинов и бананов, закапывался в ошметки фруктов и бросал их себе на лицо.

Он дышал через рот так неглубоко, как только мог. Через переплетения корзины всё происходящее снаружи казалось размытым и окрашенным золотом.

Понг замер, услышав приближающиеся шаги. Кто-то откинул крышку корзины и долго её не закрывал. Понг прислушался, не понимая, кто это. Сомкит? Стража? Кто бы это ни был, он закрыл крышку и ушёл.

Конечно, Сомкит будет волноваться о нём. Конечно, начнёт спрашивать, не видел ли его кто-нибудь. Но никто за ним не побежал, никто даже не позвал его. Сомкит тоже не возвращался.

Понг сжался в корзине, вонючий сок стекал по его волосам прямо на переносицу. Он не знал, сможет ли он продержаться до прихода мусорщика. Теперь идея убежать казалась ему крайне неудачной. Понг уже был готов сдаться и выйти, но теперь стража вернулась на свой пост, и, если бы он вылез из корзины, его бы увидели. Ему надо ждать захода солнца, когда будет ещё одна смена караула.

Когда солнце почти село, прибыл мусорщик. Услышав его насвистывание, Понг пришёл в ужас. Он не сомневался, что, когда корзину поднимут, мусорщик заметит, что она стала слишком тяжёлой.

От волнения желудок Понга скрутило, словно в нём поселился целый выводок угрей. Как такое могло прийти ему в голову? *Видите ли, я упал в корзину с мусором. Я пытался позвать на помощь, но никто меня не услышал. Пожалуйста, не отправляйте меня в карцер. Посидеть в корзине с гурианом — уже хорошее наказание.*

Есть одно преимущество, когда тебя плохо кормят. Ты не слишком много вешишь. Мусорщику потребовалось лишь чуть-чуть больше усилий, чтобы поднять корзину. Он оттащил её на пристань и поставил на свою лодчонку.

Понгу далеко не всё было видно, но он готов поклясться, что заметил силуэт своего друга возле речных ворот. Неожиданно он осознал, что всё

осталось позади. *«Нет! Пожгите! — подумал он. — Я не могу уйти без Сомкита!»*

Но было поздно. Мусорщик оттолкнулся босой ногой от пристани, и они поплыли вниз по реке.

A decorative graphic consisting of several overlapping, swirling lines that form a large, stylized '6' shape, framing the chapter title.

Глава 6

Понг свернулся в корзине, прижав один глаз к щёлке в соломенном плетении. Так он пытался разглядеть, что происходит снаружи. Но солнце уже село, и почти ничего не было видно. Даже внутри корзины ему казалось, что он почти голый и находится на виду у всех. Он зарылся глубже, вздрагивая, когда колючки дуриана впивались ему в тело.

Маленькая сфера заставляла жужжать мотор лодочки, которая теперь вплывала в главный канал. Если бы здесь был Сомкит, он бы по одному звуку смог определить модель мотора.

Мимо проходили большие лодки, влекомые мощными моторами, и волны от них раскачивали лодочку. Домики вдоль берегов отбрасывали слабые огоньки. Количество огней и лодок росло по мере того, как они плыли вниз по течению.

Желудок Понга теперь крутило не столько от страха, сколько от возбуждения. Наконец-то он сможет увидеть город вблизи.

Но сначала он его услышал. Сферы жужжали, словно летящий прямо к нему рой пчёл. Понг слышал, что на берегу кричали и смеялись, играли музыканты, и женский голос пел: *«Возьми меня за руку, милый, возьми меня за руку и потанцуй со мной...»*

И затем стало светло, словно он оказался в центре шарового звёздного скопления. Лодчонка достигла сердца Чаттаны.

Дома, магазины, рестораны выстроились вдоль берега. Они теснились и наступали друг на друга, освещённые от земли до крыши разноцветными сферами, которые для спрятавшегося в корзине Понга казались слившейся в один луч радугой. Он слышал, как клиенты выкрикивали свои заказы, торговались из-за цены, малыши звали матерей. Он чувствовал аромат жареных рыб и овощей, а также запах человеческих тел, которым пришлось жить слишком скученно.

По деревянному настилу набережной простуцало множество босых детских ножек, слышались их крики. Понг услышал смех, затем около дюжины всплесков рядом с лодчонкой.

— Эй, малыши, убирайтесь подальше от меня! — закричал мусорщик, выключая мотор. — Ленивые червяки! Когда я был в вашем возрасте, я уже работал.

Веслом мусорщик загнал лодчонку в канал, который вёл в сторону от главного русла. Чаттана

была построена на воде, и каналы служили здесь улицами. Жители передвигались на лодках или пользовались мостами и набережными, на которых всегда было очень много народу.

Мусорщик проплыл по каналу, свернул в другой, потом в третий, по дороге подобрал несколько корзин с гниющими отходами, а затем вернулся на широкий, полный движения фарватер. Лодчонку швыряло вверх-вниз на волнах, которые создавали проходившие мимо катера. В отличие от многоцветного хаоса Восточной Стороны, все сферы в Западной части были Золотые.

При виде их сердце Понга защемило. Он понял, что эта часть города была воплощением того, что он и Сомкит воображали себе в мечтах о свободной жизни под этим освещением. И теперь он был так близко, что почти мог дотронуться до них.

В Западной части стояла тишина. Сферы, свисавшие с деревьев, работали почти бесшумно, и мягко играла музыка. Даже запахи казались чистыми и сладкими. Каналы отходили от центрального русла так же, как на Восточной Стороне, но здесь на набережных было значительно меньше народу. Через щель в корзине Понг с трудом разглядел аккуратные ряды домов.

Мусорщик, который двигался вдоль пристани, тоже притих. Слуги, не произнося ни слова, поста-

вили корзины ему на лодку. Мусорщик запустил свой мотор, питавшийся от сферы, и они поплыли дальше по реке.

Лодчонку качало вверх и вниз, вверх и вниз. Понг почувствовал, что в его желудке снова зашевелились угри; на этот раз это оказалась морская болезнь.

«Только бы не вырвало! Только бы не вырвало!» — упрашивал он свой желудок. К сожалению, тот не слушался. Понг упёрся в края корзины, совершенно растерявшись в этом вонючем тумане.

Лодчонка двигалась туда-сюда, пока мусорщик собирал на остановках свои корзины. От морской болезни Понг плохо соображал и слишком поздно заметил, что лодка остановилась.

Он не успел полностью сосредоточиться на происходящем, как его корзину подняли и опрокинули через борт. Понг полетел в чёрную воду вместе с гнилыми кусками дуриана.

Понг, всю свою жизнь проживший возле реки, не умел плавать.

Он бил ногами и тянулся руками к тусклому свету поверхности. Ему удалось вынырнуть. Он вдохнул и, когда голова ушла под воду, хлебнул добрую пинту речной воды. Понг больше не боялся попасться и отправиться обратно в тюрьму. Напротив, он плескался и махал руками как можно выше над головой.

Но мусорщик спешил избавиться от груза и вернуться к свету городских огней. Он завёл мотор и уплыл вверх по реке, не видя и не слыша, как барахтался Понг.

По правилам мусорщик должен был опорожнять свои корзины за пределами города, там, где река делала широкую петлю. Течение там было медленное, и по воде плыло много мусора: куски фруктов, сломанные коробки, рваные рыбацкие сети, пустые пакеты из-под риса, девятилетний беглец из тюрьмы.

Понг так устал, что больше не мог плыть. Но мусор сам собой оказался у него под мышками и под ногами, словно он хотел последний раз принести пользу, прежде чем отправиться на топкое дно. Пальцы Понга нащупали фанерный лист. Мальчик приготовился утонуть — но вместо этого оказалось, что мусор держит его на воде.

Течение пронесло его дальше, где река была уже и вода бежала быстрее. Понг крепко вцепился в фанерный лист, как в спасательный круг, и плыл вниз по реке. Он понял, что у него появился шанс спастись, и начал дёргать ногами и извиваться, чтобы добраться до берега.

Когда он доплыл до берега, огни города скрылись вдалеке. Он вскарабкался на глиняный берег, задыхаясь и дрожа в мокрой одежде, которая облепила тело. Он посмотрел на звёзды, и те показались

тусклыми и совсем маленькими по сравнению с огнями Чаттаны.

Понг это сделал. Он сбежал. Он впервые в жизни был в свободном мире.

Он упал на колени, в грязи, в темноте, и зарыдал.

Глава 7

ПОНГ проснулся от того, что курица клюнула его в ногу.

— Эй! А ну кыш! — закричал он и пнул наглую птицу.

Курица заклохотала и отлетела в сторону. Понг подтянул к себе повреждённую ногу. Птицу можно было оправдать тем, что кожа Понга так сморщилась и побелела от влаги и сырости, что его можно было принять за червяка.

Понг встал и посмотрел на другой берег реки. За серо-зелёной водой густо росли деревья. Понг посмотрел вверх. На этом берегу густо росли деревья. Не было ни города, ни зданий, ни людей. На самом деле его отнесло от Чаттаны всего на несколько миль к югу, но ему казалось, что он вступил в непроходимую глушь. Он вообразил, как тигры будут обгладывать мясо с его костей и как медленно-медленно его задушат удавы.

Что ему делать? Куда идти? Голодный желудок Понга склеился. *«Наверное, Сомкит сейчас завтракает»*, — подумал он.

Он никогда не расставался со своим другом дольше, чем на несколько минут. От понимания того, что они теперь находятся очень далеко друг от друга, он запаниковал.

Выше по реке прогудел гудок, и вниз проплыла огромная гружёная баржа. Понг распластался в грязи. Пока он ждал, когда баржа проплывёт, он случайно взглянул на своё левое запястье. Большим пальцем он потёр тюремную метку, нанесённую ярко-голубыми чернилами, как будто пытаясь её стереть.

Всем заключённым в Чатгане наносили татуировки с названием тюрьмы. Понг и Сомкит получили свои, когда были ещё младенцами. Чернила не выцветали, потому что они были нанесены с помощью мощной Золотой сферы из офиса Правителя. Никто не мог их стереть, кроме, возможно, самого Правителя.

Если бы кто-нибудь увидел эту татуировку, то он сразу бы понял, что Понг сбежал. Когда заключённый отбывал свой срок, название тюрьмы перечёркивали и добавляли маленькую звёздочку. Без этого символа Понг был вне закона. Если его схватят, то сразу же отправят назад. Даже хуже — его могут отправить в Банглад, взрослую мужскую тюрьму. По мнению стражниц, Намвон по сравнению с Бангладом был пятизвёздочным отелем. Слова Правителя стучали в висках у Понга: *«Рождённые во тьме всегда возвращаются»*.

Понг поёжился и потёр свои голые руки. Путешествие в мусорной корзине как никогда приблизило его к свету Чаттаны. Теперь ему повезёт, если его не арестуют.

Он не мог вернуться в город, но, если он пойдёт по течению вниз, то оно приведёт его к морю. Правитель, полиция или начальник тюрьмы не будут иметь над ним никакой власти, когда он покинет их страну. Он может сесть на корабль, который навсегда увезёт его от них, туда, где никто никогда не слышал о Намвоне и не знает, что означает его татуировка.

В книге Понг видел океан. На той картинке он был не серо-зелёным, как река. Он был синий. Голубой цвет заполнил мысли Понга, он наклонил голову и зашагал на юг.

Понг шёл по канаве вдоль дороги, чтобы всегда иметь возможность спрятаться от редкой проезжающей повозки, запряжённой волами.

Днём стало жарко и душно. Пот скатывался с крыльев его носа и затекал в рот. Он мечтал о дожде, так ему хотелось пить. У дороги ему удалось найти гроздь зелёных бананов, но к середине дня от голода ему стало так плохо, что он боялся потерять сознание.

Всё утро он подбирался ближе и ближе к небольшим горам — бугорчатым и зелёным вверху, отвесным и серым там, где скалы были слишком

крутыми, чтобы на них могли расти деревья. Дорога свернула вправо, затем влево, и неожиданно горы воздвиглись прямо над Понгом. Здесь дорога разделялась. Более широкая поворачивала вправо, прочь от реки. Узкая тропинка, по которой с трудом могла пройти повозка, шла прямо к горам.

Понг нахмурился. Что-то здесь было не так. Эти немые горы, казалось, выстроились как раз вдоль реки, отделяя его от моря. Ему не нравилась идея лезть в горы, когда в животе у него нет ничего, кроме зелёных бананов. Но что, если широкая дорога не вернётся к реке? Что, если она ведёт в город? Что, если его остановят и начнут задавать вопросы? Если кто-нибудь заметит его татуировку, вряд ли у него хватит сил убежать.

Понг выбрал дорогу в сторону гор.

«Отличное решение», — сказал он себе, пыхтя и поднимаясь всё выше и выше, а река оставалась всё дальше и дальше внизу, под большими серыми утёсами.

«Просто прекрасное решение», — подумал он, когда пришла ночь и он свернулся клубком под кустом, наполовину на дороге, наполовину вне её, и когда облака, наконец, раскрылись и обрушили реки воды.

A decorative graphic consisting of several overlapping, swirling lines that form a large, stylized 'S' or '8' shape, framing the chapter title.

Глава 8

Понг открыл глаза. Он был голодный, мокрый, грязный и замёрзший, именно в таком порядке. Дождь прекратился, и небо начало светлеть. Он сел. Чем-то пахло.

Горелый жир.

Этот запах потянул его за собой, как крючок тянет пойманную рыбу. Он пошёл за ним по дороге, которая, повернув, привела его к деревянному домику, окружённому деревьями.

Домик был ненамного больше хижины, но Понг с восхищением любовался на него. Вход был освещён мягким золотым светом.

В Намвоне у них были только Фиолетовые (во дворе и в классах) и Малиновые (чтобы готовить и кипятить бельё) сферы. Во время своей короткой экскурсии по Чаттане Понг познакомился со сферами других цветов: Голубого, Янтарного, Жадеитового и — в Западной Стороне — Золотого.

Но свет перед домиком вел себя странно. Казалось, он движется и танцует. Он был мягкий и тёплый одновременно и не издавал жужжания. Вместо этого Понг услышал другие звуки: потрескивание.

Прячась за кустом с листьями, похожими на уши слона, Понг подполз ближе.

Возле домика спиной к Понгу стоял низенький человек с круглым брюшком. Он щёлкнул пальцами, и что-то зашипело. Затем Понг увидел дым, плывущий в тёмное небо. Рот у него открылся сам собой.

Человек готовил еду на огне.

Понг раньше никогда не видел огня. После Великого Пожара и появления Правителя любое пламя в Чаттане было объявлено вне закона.

В Намвоне была плохая школа, но один урок вдаблывали детям снова и снова: самая большая опасность на свете была от огня.

Понг заворожённо смотрел, как языки пламени лизали куски мяса. Он открыл рот, чтобы аромат свинины попал ему на язык.

— Нечего там стоять! — прозвучал женский голос.

В испуге Понг спрятался поглубже.

— Лучше иди сейчас, или они уйдут без тебя!

— Я стараюсь, как могу! — ответил мужчина с круглым брюшком. — Так, дай мне миску. Кажется, готово.

В просвет между огромными листьями Понг увидел, как мужчина подцепил дымящиеся куски мяса и сложил их в кучу на деревянном подносе. Капли жира упали в огонь и зашипели. Понг ахнул, видя, как мужчина провёл руками в нескольких дюймах от языков пламени.

Из дома вышла женщина с лицом, наполовину засыпанным влажной детской присыпкой. Она положила на блюдо перья лука и зелень, а затем шлёпнула мужчину по спине.

— Давай, иди. Монахи уже вернулись в монастырь. Тебе надо идти прямо туда.

— Да, да, иду я, иду, — сказал мужчина, засовывая ноги в ботинки.

Он протопал через двор и вышел на грязную дорогу. Понг обождал несколько секунд и пошёл за ним, хоронясь в кустах.

Мужчина шёл вверх по дороге, а гора мяса покачивалась на блюде в его руках. Понгу ужасно хотелось, чтобы один кусок свалился на землю. Но мужчина, как настоящий жонглёр, умудрился ничего не уронить. Грязная тропинка провела их через джунгли и слилась с большой дорогой. Там стояли домики, но их было немного, и растительность и утренние тени позволили Понгу оставаться невидимым.

Неожиданно деревья расступились, и дорога привела их к подножию монастыря. К небу подни-

мались многочисленные заострённые черепичные крыши.

Понг никогда не бывал в монастыре, но, судя по тому, что он видел в книгах, этот был самым обычным. Только крыши были цветными, и нигде не было ни статуй, ни прихотливой резьбы.

Через восхитительный запах жареной свинины Понг уловил аромат ладана. Мужчина поднялся по лестнице на одну из террас. Понг стоял внизу и смотрел на него.

Мужчина поставил своё блюдо, полное мяса, на низенький столик посреди террасы рядом с другими подношениями монастырю: горшками с овощами в чесночном соусе, жареными цыплятами, какой-то таинственной пищей, завернутой в блестящие листья банана. Должно быть, монахи уже проделали свой утренний путь через деревню и принесли сюда всю эту снедь.

Хотя на террасе никого не было, мужчина поклонился низко и почтительно. Понг расслышал тихие голоса, которые пели дальше в одном из зданий монастыря.

Со стоном мужчина поднялся. Он протрусил вниз по лестнице и вскоре исчез на тёмной дороге. Рот Понга наполнился слюной. Скоро монахи приступят к своей утренней трапезе. У него было мало времени.

Он взлетел по лестнице и схватил два куска мяса. Один кусок был у него уже во рту, когда,

обернувшись, он увидел испуганные глаза на испачканном тальком лице.

Пожилая женщина стояла неподвижно, в руке её покачивался котелок с липким рисом, который забыл взять её муж. Тальк отслаивался от её щёк, а её испуг сменился яростью.

— Ты. Что. Воруешь тут? У монахов?

Понг вытащил кусок мяса изо рта. Левую руку со вторым куском мяса он спрятал за спину, а первым куском, как волшебной палочкой, размахивал перед собой. С его губ полилась ложь.

— Нет! Нет, это вовсе не то, что ты подумала! Я это не украл. Монахи сказали, что я могу это взять!

На лице женщины промелькнуло вопросительное выражение, и Понг на мгновение подумал, что она ему поверила. Тут он заметил группу монахов, которые двигались в их направлении. Монахи были одеты в туники шафранового цвета с краем, закинутым через плечо.

Женщина с сердитым видом наклонилась к Понгу:

— Вот сейчас и проверим, маленький воришка!

Глава 9

Понг попытался обойти женщину, но она своим телом загородила ему дорогу и толкнула его в лоб горшком риса. Босые ноги застучали по полу монастыря, когда поддюжины монахов быстро прошли мимо них и выстроились полукругом.

— Что случилось, госпожа Вибун? — спросил один из младших монахов.

Госпожа Вибун почтительно поклонилась каждому из них.

— Мой муж забыл взять рис, когда пошёл относить ваш завтрак, — сказала она, размахивая горшком и чуть было не попадая Понгу по лицу. — Когда я пришла сюда, я увидела, как мальчишка взял еду с блюда, которое я приготовила для вас. Когда я спросила его, он мне солгал. Он сказал, что вы позволили ему!

Наклонив бритые головы, монахи в недоумении посмотрели на Понга. Они подались в стороны, пропуская старого монаха, который прошёл, опираясь на посох, и встал впереди. Его одежда была

более тёмного, красноватого оттенка, а лысую голову покрывали пятна.

Госпожа Вибун снова поклонилась, на этот раз ниже.

— Отец Чам, я прошу простить меня за то, что помешала вашим утренним молитвам. Но мальчишка! Он сказал, что ему разрешили взять еду. Я уверена, что он врёт! Подумать только! Воровать у монастыря!

Старый монах с любопытством посмотрел на Понга. Понг никогда раньше не разговаривал с монахами, но знал, что те должны поститься с полудня до восхода солнца на следующий день. Они не готовили себе еду и ели то, что принесут им окрестные жители. Госпожа Вибун пыталась устыдить его, но он не планировал здесь задерживаться.

Понг огляделся, выискивая пути к бегству. Когда он уже готов был рвануть, старый монах встал прямо перед ним и загородил ему путь своим посохом. Для старого человека монах двигался так быстро, что Понг испугался и уронил драгоценные куски мяса на пыльный пол.

— Вот, вот, — успокаивающе произнёс отец Чам, — ты не сделал того, о чём я тебя просил, дитя?

— Что? Что? — просипел Понг. — Я н-не понимаю, о чём вы.

— Я просил тебя сначала подготовить подношение для мёртвых. После этого тебе разрешалось взять еду. Но ты до сих пор не подготовил подношение, так ведь?

Понг смущённо заморгал. Он попытался отвернуться, но старик каким-то образом оказался перед ним.

Отец Чам поцокал языком и, глядя на госпожу Вибун, покачал головой.

— Я действительно разрешил ему поесть, но он явно слишком спешил, чтобы внимательно выслушать меня.

— Ой, — произнесла госпожа Вибун. — Я поняла. Ну, я..

— Благодарю Вас за предупреждение, госпожа Вибун. Я прослежу, чтобы он запомнил урок.

Монах тёмными строгими глазами посмотрел на Понга сверху вниз.

— За свою ошибку ты пойдёшь со мной и будешь молиться о том, чтобы не забыть свой урок. И завтракать ты будешь последним.

— Я — но что?..

— Не смей препираться с отцом Чамом! — закричала госпожа Вибун. — Тебе повезло, что он готов учить тебя быть хорошим мальчиком. Будь я на его месте, я бы тебя выпорола.

Старый монах взял Понга за плечо и улыбнулся ей.

— Какое счастье, что у нас есть вы, госпожа, и вы присматриваете за нами. Поблагодарите вашего супруга за эту пищу. Попросите его завтра прийти в монастырь и принять особое благословение. Пойдём же, мой мальчик.

Он провёл Понга мимо остальных монахов, которые казались озадаченными не меньше мальчика. Понг замедлил шаг, стараясь идти вровень со стариком. Отец Чам что-то бормотал, пока вёл Понга с террасы вниз и затем вверх по ступеням на другую террасу.

Там монах опустился на низкое кресло у входа в комнату и закрыл глаза. Понг посмотрел через его плечо. Он всё ещё мог видеть других монахов и госпожу Вибун, которая начала накрывать на стол. Все были заняты. Понг мог бы убежать от старика, если бы было нужно, и никто бы его не поймал. Но вместо того чтобы бежать, Понг неожиданно опустился перед отцом Чамом на колени.

Сжал ладони вместе и преклонил лоб к большим пальцам. Потом закрыл один глаз, но другим смотрел вокруг. Позади отца Чама золотая статуя Будды переливалась в свете дюжин маленьких огоньков, которые танцевали на концах лучинок. Снова огонь.

Сердце мальчика было готово выпрыгнуть из груди, когда он ждал, пока старый монах закончит свою молитву. Что будет теперь? Почему отец